

11. Умнова И.А. О современном понимании Конституции Российской Федерации в контексте доктрин конституционализма и судебной правоприменительной практики // Государство и право. 2014. № 11.
12. Утченко С.Л. Политические учения древнего Рима. М., 1977.
13. Маяк И.Л. Взаимодействие властей в Раннем Риме: Источниковедческие заметки к трактату Цицерона DE RE PUBLICA.
14. Сидорович О.В. Теория смешанной конституции и развитие государственных институтов в раннереспубликанском Риме.
15. Токмаков В.Н. Некоторые аспекты генезиса консульской власти в конституции Рима Ранней республики, V в. до н.э.
16. Чернышев Ю.Г. Теория смешанной конституции у Цицерона и система принципата; и др. // Древнее право. 1996, № 1.
17. Arist. Pol. II.III.9. 1265b
18. Arist. Pol. IV. IX.8. 1295b

УДК 342.4

КОНСТИТУЦИОННАЯ ПРИСЯГА: ШТРИХИ К ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОМУ ПОРТРЕТУ

© 2017 г. М.В. Мархгейм

Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет
308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

National Research University
Belgorod State University
85, Pobedy str.,
Belgorod, 308015

В данной статье рассмотрены подходы России и 15 государств Восточной Европы к формализации конституционной присяги. На основе признаков присяги предложена ее трактовка, а также выделены дополнительные черты конституционной присяги. Основываясь на анализе конституционных текстов присяги, представлены ее конституционные лексические формы, конституционные субъекты присяги, определенность и степень универсальности ее конституционного текста. Сделан вывод о приоритете церемониальных аспектов присяги над юридическими, а также проиллюстрировано соединение в присяге главы государства норм правовой, морально-нравственной и религиозной природы.

Ключевые слова: присяга, клятва, конституция, президент, депутаты, правительство, судьи.

This article describes the approaches of Russia and 15 Eastern European countries to the formalization of the constitutional oath. On the basis of the oath signs the author proposes its interpretation and highlights the additional features of the constitutional oath. On the basis of the analysis of the constitutional oath the author presents its constitutional lexical forms, the constitutional entities to the oath, and the degree of certainty of the universality of its constitutional text. Draws the conclusion about the priority aspects of the ceremonial oath of legal; illustrates combination of legal, moral and ethical and religious norms in the oath of the head of the state

Keywords: oath, constitution, president, deputy, government, judge.

Решение сколь актуальных, столь и сложных задач упорядочения общественных отношений ориентирует на интеграцию регулятивного потенциала различных социальных норм. Философы, теологи, правоведы – теоретики и отраслевые – делают свойственные их науке выводы относительно воздействующей силы «их норм». Так, с помощью норм морали, религии, обычаев, традиций, права в их самостоятельном или комбинированном вариантах с разной степенью успешности осуществляется гармонизация общественных отношений, поведения и деятельности людей. Тексты современных конституций дают нередкие примеры формализации норм, которые по своей природе не являются правовыми. Наиболее иллюстративно такой подход представлен в институте конституционной присяги.

Анализ словарных источников показал, что понятие «присяга» трактуется довольно однотипно [1, с. 553; 2]. Основываясь на упоминаемых в них признаках, предлагаем понимать присягу как официальную, торжественную и церемониальную клятву при поступлении на службу, вступле-

нии в должность, получении статуса, выражающуюся в уверении соблюдать верность, какие-либо обязательства. Применительно к конституционной сфере присяга может приобретать дополнительные черты, например, предусматриваться конституцией страны; адресоваться определенным конституционным субъектам; получать конституционную формализацию текста иногда с упоминанием чего-либо священного и ценностно-значимого. В связи с присягой могут прописываться условия и порядок ее принесения, последствия не принесения или принесения с оговорками. Отметим, что в соответствии со ст. 74 Конституции Литвы «Президент Республики, председатель и судьи Конституционного суда, председатель Апелляционного суда, члены Сейма за грубое нарушение Конституции или присяги ... могут быть отстранены от занимаемых должностей или лишены мандата члена Сейма...». Следовательно, конституционная присяга проявляется и в материальном, и в процессуальном смыслах.

Несмотря на типичность понимания присяги, в юридической литературе она рассматривается как правовое/общеправовое [3, 4] явление, как юридико-символическое отражение культурных традиций [5], в контексте обычного права [6, 7], юридической ответственности [8], включая конституционную [9] Присяга изучается применительно к главе государства [10], судье [11], в том числе Конституционного Суда России [12], высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации [13], военнослужащим [14], государственным гражданским служащим [15] и служащим правоохранительных органов [16]. Этим подчеркивается не только широта приложения присяги, но и многогранность ее содержательного сопряжения.

Проиллюстрируем общее и особенное в конституционном отражении присяги на примере России [17] и 15 государств Восточной Европы [18]. Анализ проводился нами по четырем критериям: конституционная лексическая форма, конституционный субъект присяги, определенность и степень универсальности конституционного текста присяги.

Конституционные лексические формы рассматриваемой «официальной торжественной церемонии» представлены четырьмя принципиальными разновидностями – присяга, клятва, обещание, обязательство. Одновременно в конституциях используются эпитеты, подчеркивающие характер мероприятия – священная клятва (в Македонии – применительно к Президенту), торжественная клятва (в Латвии – применительно к члену Сейма), торжественная присяга (в Хорватии – применительно к Президенту), торжественное обещание (в Латвии – применительно к Президенту), официальное обязательство (Кипр – применительно к президенту и вице-президенту). Иная характеристика – должностная – дана присяге в Конституции Эстонии. В конституции Боснии и Герцеговины присяга (клятва, обещание, обязательство) не упоминается.

Конституционным субъектом присяги является, как правило, глава государства. Это присуще России (ст. 82) и 14 странам из рассматриваемой группы. При этом в текстах конституций присяга предусматривается также для вице-президентов (Болгария (ст. 96), Кипр (ч. 1 ст. 42)), депутатов (Албания (ст. 72), Кипр (ст. 69), Латвия (п. 18 гл. 2), Словакия (ч. 1 ст. 75), Чехия (ст. 23 (1)), членов Сейма (Литва ст. 59), сенаторов (Чехия (ст. 23 (2)), председателя правительства (Хорватия (ст. 109)), правительства (Словения (ст. 113), Эстония (ст. 91)), министров (Болгария (ст. 109), Польша (ст. 151), Румыния (ст. 103 (1)), членов правительства (Венгрия (ст. 16 (9)), Румыния (ст. 103 (1)), Словакия (ст. 112), Хорватия (ст. 109), Чехия (ст. 69 (2)), судей (Словакия (ч. 4 ст. 145), Чехия ст. 93 (1)), судей Конституционного суда (Словакия (ч. 4 ст. 134), Чехия (ст. 85)).

Определенность конституционного текста присяги представлена в трех вариантах – определенный; с элементами усмотрения; неопределенный. Первый из них наиболее типичен и выражается в том, что в конституционном тексте представлен точный текст присяги (Россия (ст. 82), Болгария (ст. 76 (2)), Кипр (ст. 69), Латвия (п. 18 гл.1), Румыния (ст. 82 (2)), Словакия (ст. 112), Словения (ст. 104), Чехия (ст. 85 (2)), Эстония (ст. 81)); второй – допускает возможность по усмотрению присягающего произносить или не произносить фразу «Да поможет мне Бог!» (Албания (ч. 3 ст. 88), Польша (ст. 151)); третий – указывает только на необходимость присяги, но без закрепления ее текста (Венгрия (ст. 16 (9)), Македония (ст. 81), Хорватия (абз. 4 ст. 109)). Отметим, что конституционный подход Литвы в отношении присяги главы государства является, скорее, ориентировочной, нежели определенной версией: «Избранный Президент Республики приступает к исполнению обязанностей ...после того, как ... он принесет присягу Народу хранить верность Литовской Республике и Конституции, добросовестно исполнять свои обязанности и быть ко всем одинаково справедливым» (ст. 82), в то время как в отношении членов Сейма – неопределенный (ст. 59).

Оговоримся, что степень универсальности конституционного текста присяги в качестве критерия оценки корректна только для тех стран, где наряду с главой государства предусмотрены и иные субъекты присяги. Для них характерны три варианта присяги – универсальный, специальный

и отдельный. Первый реализован в конституциях Болгарии (идентичен текст присяги президента и депутатов) и Словении (совпадает текст присяги президента, председателя правительства и министров); второй – в конституциях Кипра (президент и вице-президент произносят идентичный текст присяги, а депутаты иной) и Чехии (депутат и сенатор приносят идентичную присягу, президент, член правительства, судья Конституционного суда имеют собственные тексты присяги); третий – в конституциях Латвии (президент и депутаты произносят разные тексты присяги), Словакии (президент, депутаты, судьи Конституционного суда, судьи приносят текстуально разные присяги), Эстонии (президент и член Государственного Собрания приносят разные тексты присяги).

Весьма интересные результаты дал анализ конституционных текстов присяги главы государства. Именно здесь в большей мере присяга раскрывается в качестве интегративного (то есть объединяющего, в нашем случае различные социальные нормы) способа конституционно-правового регулирования. Так, в конституционных текстах присяги президента наряду с типичными для юридической сферы словами употреблены и слова из морально-нравственного ряда. Этот подход наиболее распространен и использован в России («уважать» права и свободы человека, «верно» служить народу), Кипра («уважать» Конституцию), Латвии (почитать «священными» Конституцию и законы государства, обязанности исполнять по «доброй совести»), Литве (хранить «верность» Литовской Республике и Конституции), Румынии (посвятить все свои силы и умение «процветанию» народа), Словакии (клянусь своей честью и «совестью» в «верности» Республике), Словении («уважать» конституционный порядок, поступать по «совести»), Чехии (клянусь в «верности» Республике, руководствуясь «совестью»), Эстонии («верой и правдой» исполнять обязанности).

Обращение к Богу в конституционном тексте присяги главы государства представлено в Албании и Польше в диспозитивном ключе (президент «может» сделать дополнение: «Да поможет мне Бог!»), в Румынии – в императивном («Да поможет мне Бог!»).

В конституционном тексте присяги президента Болгарии использованы возвышенный стиль («во имя»), но характерные для юридического языка слова и обороты: «Клянусь во имя Республики Болгарии соблюдать Конституцию и законы страны и во всех своих действиях руководствоваться интересами народа. Присягу принял».

Дополнительной характеристикой, подчеркивающей значимость и ответственность присяги главы государства, является конституционное указание на то, кому приносится присяга и кто свидетель этого. Согласно Конституции России (ст. 82), Президент приносит «народу», в присутствии членов Совета Федерации, депутатов Государственной Думы и судей Конституционного Суда присягу следующего вполне емкого содержания «Клянусь при осуществлении полномочий Президента Российской Федерации уважать и охранять права и свободы человека и гражданина, соблюдать и защищать Конституцию Российской Федерации, защищать суверенитет и независимость, безопасность и целостность государства, верно служить народу». При этом с учетом смысла ч. 2 ст. 80 Конституции России, определяющей Президента гарантом и Конституции, и прав и свобод человека и гражданина, было бы логичнее формулировать текст присяги через «гарантные глаголы», соотносимые с иными конституционными нормами. В частности, конституционными обязанностями российского государства являются признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина (ст. 2). Президент же как глава государства клянется их «уважать и охранять». Применительно к Конституции России Президент в качестве органа государственной власти и должностного лица (ч. 2 ст. 15) обязан ее «соблюдать», а в соответствии с присягой клянется «... и защищать». Представляется, что лексические решения, реализованные в формулировке конституционной присяги главы российского государства, дают основания для вывода о приоритетах.

Считаем важным обратить внимание и на конституционный круг «свидетелей» церемонии принесения Президентом России присяги – члены Совета Федерации, депутаты Государственной Думы и судьи Конституционного Суда. Опыт свидетельствует, что в соответствующих залах Кремля на так называемой инаугурации российского Президента представители указанных органов присутствуют практически в полном составе. Однако в строго конституционной формулировке такое действие может пройти и при участии двух представителей от каждого из указанных конституционных органов. Полагаем, что использованная конституционная формулировка, описывающая «круг свидетелей», является гарантией того, что даже при самых критичных политических состояниях и обстоятельствах принесение присяги главой государства состоится, и он приступит к исполнению своих конституционных обязанностей (ч. 1 ст. 92).

Возвращаясь к анализу текстов конституций исследуемой группы стран, отметим, что президенты приносят присягу не только народу (Эстония, Литва), но и председателю Конституционного суда (Словакия), председателю Палаты депутатов (Чехия). При этом большую конституционную конкретизацию получило то, где или перед кем приносится президентом присяга. Например, на

заседании Сейма (Латвия), при участии представителей народа – членов Сейма (Литва), на Государственном собрании (Словения), на совместном заседании палат (Чехия); перед Собранием (Македония), перед Национальным Собранием (Польша), перед Палатой Депутатов и Сенатом на их совместном заседании (Румыния), перед Национальным советом (Словакия), перед председателем Конституционного суда (Хорватия), перед Государственным Собранием (Эстония).

Ввиду оригинальности заслуживает упоминания конституционный подход, изложенный в ст. 82 Конституции Литвы, согласно которому «Акт принесения присяги Президентом Республики подписывается им самим и председателем Конституционного суда, а в его отсутствие – одним из судей Конституционного суда».

Юридическая значимость присяги главы государства подчеркивается, на наш взгляд, путем конституционного закрепления последствий отказа принести присягу или принесения ее с оговорками. При этом такой, казалось бы, логичный путь оказался не типичным. Конституировали такие последствия, например, Чехия и Литва. Так, в Чехии (ст. 60) закреплено, что «Отказ президента республики принести присягу или принесение присяги с оговоркой рассматриваются как неизбрание президентом республики», а в Литве (ст. 59) – «Член Сейма, не принесший в установленном законом порядке присягу или принесший присягу условно, утрачивает мандат члена Сейма. В связи с этим Сеймом принимается постановление».

Подытоживая, отметим, что даже будучи закрепленной в конституции, присяга главы государства или иного конституционного субъекта предстает, скорее, как традиционный церемониал, а не акцентирование сферы его ответственности, нарушение которой влечет за собой вполне конкретные последствия. При этом необходимо иметь в виду, что любые суверенные решения государств, представленные в их конституциях, не корректно оценивать в системе координат «хорошо – плохо» или «правильно – неправильно». Это в полной мере касается и конституционной присяги, рассмотренной нами в материальном и процессуальном проявлениях.

Литература и источники

1. Большой юридический словарь. М.: Инфра-М, 1998.
2. URL: <http://tolslovar.ru/p20248.html>
3. Никифоров М.В. Присяга (клятва) как правовое явление // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. 2001. № 1.
4. Русакова Н.Г. Присяга как общеправовой феномен. Автореф. диссер. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2008.
5. Русакова Н.Г. Присяга как юридико-символическое отражение культурных традиций // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 453-456.
6. Бетеева М.М., Цховребова М.К. Присяга как вид доказательства по осетинскому обычному праву // European research. 2015. № 2 (3). С. 55-57.
7. Абайханова П.И. Присяга в обычном праве Карачая // Северо-Кавказский юридический вестник. 2014. № 2. С. 13-17.
8. Лисняк А.Н. Присяга (клятва) «чиновничества» в контексте развития института юридической ответственности государственных служащих в России // Инновации и инвестиции. 2015. № 8. С. 225-228.
9. Овчаренко Е.Н. Нарушение присяги как основание конституционной ответственности судьи // Проблемы законности. 2013. № 123. С. 237-247.
10. Хайретдинов Р.Д. Юридическая природа присяги, приносимой при вступлении в должность Президента Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 24. С. 13-16.
11. Мацкевич И.М. Судебная присяга // Юридическое образование и наука. 2016. № 2. С. 3-7.
12. Арановский К.В., Князев С.Д. Институт присяги судьи Конституционного Суда РФ: истоки, особенности, значение // Журнал российского права. 2011. № 10 (178). С. 134-141.
13. Ишеков К.А. Присяга высшего должностного лица субъекта Российской Федерации как фактор соблюдения региональной конституции // В сб.: Политико-правовые технологии взаимодействия власти, общества и бизнеса в регионах. Материалы Международной научно-практической конференции. 2010. С. 92-95.
14. Пчелинцев А.В. Военная присяга и религиозные убеждения военнослужащих: в поисках компромисса // Право в Вооруженных силах. 2011. № 4 (166). С. 84-85.
15. Малютина Е.Л. К вопросу об антикоррупционном потенциале присяги государственного гражданского служащего // Вестник научных конференций. 2016. № 3-6 (7). С. 69-72.

16. Бережкова Н.Ф. Присяга в системе правоохранительных органов // Право и государство: теория и практика. 2008. № 3. С. 102-104.
17. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 5.02.2014 г. № 2-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 9. Ст. 851.
18. URL: <http://worldconstitutions.ru/?cat=8>

УДК 342.4

КОМИТЕТЫ И КОМИССИИ КАК ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПЛАТФОРМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПАЛАТ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИИ

© 2017 г. А.А. Минасян

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет
308015, г. Белгород, ул. Победы, 85*

*National Research University
Belgorod State University
85, Pobedy str.,
Belgorod, 308015*

В статье на основе правовых и научных источников анализируются общие и отличительные черты комитетов и комиссий Государственной Думы и Совета Федерации в качестве организационной платформы взаимодействия данных палат и обеспечения единства Федерального Собрания как законодательного и представительного органа Российской Федерации.

Ключевые слова: конституция, Федеральное Собрание, парламент, Совет Федерации, Государственная Дума, взаимодействие палат парламента, комитеты, комиссии.

On the basis of legal and scientific sources the article analyzes the common and distinctive features of the committees and commissions of the State Duma and the Federation Council as the organizational platform of interaction between these chambers and the unity of the Federal Assembly as a legislative and representative body of the Russian Federation.

Keywords: Constitution, the Federal Assembly, the Parliament, the Federation Council, the State Duma, the interaction of the chambers of Parliament, committees, commissions.

Согласно Конституции России (ст. 94, ч. 1 ст. 95) [1] Федеральное Собрание, с одной стороны, является законодательным и представительным органом Российской Федерации, с другой, – состоит из двух палат – Государственной Думы и Совета Федерации. Конституционный статус Федерального Собрания позволяет говорить о нем как о едином органе, осуществляющем государственную власть, только через конституционное взаимодействие его палат, структурно состоящих из комитетов и комиссий.

Отметим, что в настоящее время в юридической литературе вопросы, касающиеся взаимодействия палат Федерального Собрания России, а именно посредством такой организационной платформы, как комитеты и комиссии палат, исследованы фрагментарно. При этом основная часть работы палат парламента осуществляется через формируемые ими комитеты и комиссии. (ч. 3 ст. 101). Комитеты и комиссии палат парламента выполняют основную, трудоемкую работу по подготовке законопроектов и разрешению иных значимых вопросов.

Комитеты и комиссии палат парламента являются своего рода их «подорганами», вспомогательными учреждениями, выполняющими возложенные на них функции. В странах англосаксонской правовой системы для обозначения такого «подоргана» употребляют понятие «комитет», в странах романо-германской системы права – «комиссия», а в венгерском языке применяется единый термин «bizottsag», которым можно обозначать и комиссию, и комитет [2, с. 14-17].

Конституционные основы деятельности комитетов и комиссий палат Федерального Собрания России конкретизированы в их регламентах. При этом нет единого правового акта, посвященного статусу и порядку деятельности комитетов и комиссий палат парламента. Это, на наш взгляд, является пробелом, восполнение которого позволит, помимо прочего, упорядочить взаимодействие палат российского парламента. Поддерживаем также мнение И.А. Конюховой, согласно которому для усиления взаимодействия палат Федерального Собрания России и повышения уровня принимаемых ими законов законопроекты уже на стадии рассмотрения в Государственной Думе должны